

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ EURASIAN INTEGRATION

научная статья / research article

УДК: 327

EDN: [LVASYO](#)

DOI: [10.48612/rg/RGW.29.2.11](#)

Научная специальность ВАК:

5.5.4. Международные отношения, глобальные, региональные исследования

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)
This work is licensed under [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)

Формирование казахстанско-российской границы и эволюция ее восприятия в казахском обществе

Бахтуридзе Зейнаб Зелимхановна

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Санкт-Петербург, Россия
 bahtur_zz@spbstu.ru

Кожирова Светлана Басиевна

Институт востоковедения Министерства науки и образования Республики Казахстан,
Алматы, Казахстан
s.kozhirova@yandex.ru

Аннотация

Введение. Исследование посвящено преодолению узкого институционального подхода в изучении границ. Фокус научной проблемы: определить основные этапы и факторы эволюции представлений о границе с Россией в казахском обществе. Основной исследовательский вопрос – как трансформировалось восприятие государственной границы казахским обществом на протяжении длительного исторического периода, и какие факторы определяли эту трансформацию. В условиях современной турбулентности понимание динамики восприятия границ необходимо для разработки стратегий приграничного взаимодействия. Лимнология – одно из активно развивающихся междисциплинарных направлений, а исследование ментальной рецепции границы, а не только ее юридического оформления, отвечает мировому тренду изучения идентичности. Ключевым элементом новизны является сдвиг исследовательской оптики: поскольку традиционно граница изучалась в правовом и геополитическом измерении, то в данной статье представлена попытка осмысления границы как феномена сознания. Несомненно, утверждение о том, что современная граница – это одновременно «жесткий барьер» (символ суверенитета) и «прозрачный мост» (ресурс сотрудничества), само по себе не ново, но новизна представленной работы в том, что она исторически обосновывает эту двойственность. Авторы доказывают, что «прозрачность» – не только продукт сегодняшних договоренностей, но и результат многовекового опыта сосуществования, «исторический капитал» и, по сути, этот вывод ведет к новой

объяснительной модели, в которой граница предстает не как статичная линия, а как эволюционирующий социальный конструкт.

Методы и материалы. В основе методологии лежит междисциплинарный синтез, сочетающий историко-генетический метод, метод проблемно-хронологического анализа источников, компаративный метод, дискурс-анализ и метод актуализации. Эмпирическую базу составляют два взаимодополняющих корпуса источников, официальные документы и источники, отражающие социальную рецепцию, что позволяет сопоставить проект границы «сверху» с ее восприятием и освоением «снизу».

Результаты. По итогам анализа восьми хронологических периодов была реконструирована нелинейная эволюция восприятия границы, представленная пятью ключевыми фазами: от конфликта между имперской «линией» и кочевым «ареалом» через адаптацию, национализацию пространства и советский идеологический парадокс к современному постсоветскому синтезу. Периоды представляют собой хронологический уровень, в то время как фазы – концептуальный, таким образом они работают в общей связке «событие-смысл». Главным выводом является выявление уникального двойственного статуса границы в современном сознании, которая одновременно выступает как жесткий символический барьер суверенитета и как прозрачный ресурсный мост для сотрудничества.

Заключение. Исследование демонстрирует, что российско-казахстанская граница является не только геополитическим и правовым, но и социокультурным феноменом. Предложенная модель доказывает свою эффективность для комплексного анализа границ, раскрывая их как продукт диалога между государственными проектами и социальными практиками. Установленная историческая преемственность и сформировавшийся баланс между барьерной и контактной функциями объясняют стабильность и функциональность одной из самых протяженных сухопутных границ в мире.

Ключевые слова: казахстанско-российская граница; эволюция представлений; национальное строительство; лимология; приграничные сообщества; исторические этапы; делимитация

Для цитирования: Бахтуридзе З.З., Кожирова С.Б. Формирование казахстанско-российской границы и эволюция ее восприятия в казахском обществе // Россия в глобальном мире. 2026. Т. 29. Вып. 2. С. 158–173. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.2.11>. EDN: LVASYO.

© Бахтуридзе З.З., Кожирова С.Б., 2026. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

The Formation of the Kazakh-Russian Border and the Evolution of its Perception in Kazakh Society

Zeynab Z. Bakhturidze

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
bahtur_zz@spbstu.ru

Svetlana B. Kozhirova

Institute of Oriental Studies by R.B. Suleimenova, Almaty, Republic of Kazakhstan
s.kozhirova@yandex.ru

Abstract

Introduction. This study seeks to overcome a narrow institutional approach to border studies. Its goal is to identify the key stages and factors in the evolution of perceptions of the border with Russia in Kazakh society. The primary research question is how Kazakh society's perception of the state border has transformed over a long historical period, and what factors have shaped this transformation. In today's turbulent times, understanding the dynamics of border perception is essential for developing strategies for cross-border interaction. Limology is a rapidly developing interdisciplinary field, and the study of the mental perception of borders, rather than just their legal

formalization, is in line with the global trend in identity studies. A key element of innovation is the shift in research perspective: while borders have traditionally been studied in legal and geopolitical terms, this article presents an attempt to conceptualize borders as a phenomenon of consciousness. Undoubtedly, the assertion that the modern border is simultaneously a “rigid barrier” (a symbol of sovereignty) and a “transparent bridge” (a resource for cooperation) is not new in itself, but the novelty of this work lies in its historical grounding of this duality. The authors demonstrate that “transparency” is not only the product of current agreements but also the result of centuries of coexistence, “historical capital”. This conclusion, in essence, leads to a new explanatory model in which the border is presented not as a static line, but as an evolving social construct.

Methods and Materials. The methodology is based on an interdisciplinary synthesis that combines the historical-genetic method, the method of problem-chronological analysis of sources, the comparative method, discourse analysis and the actualization method. The empirical base consists of two complementary bodies of sources: official documents and sources reflecting social reception. This allows us to compare the border project “from above” with its perception and development “from below”.

Results. Based on an analysis of eight chronological periods, a nonlinear evolution of border perception was reconstructed, represented by five key phases: from the conflict between the imperial “line” and the nomadic “area”, through adaptation, the nationalization of space, and the Soviet ideological paradox, to the contemporary post-Soviet synthesis. The periods represent the chronological level, while the phases represent the conceptual level, thus operating within the overall “event-meaning” nexus. The main conclusion is the identification of the unique dual status of the border in modern consciousness: it simultaneously functions as a rigid symbolic barrier to sovereignty and as a transparent resource bridge for cooperation.

Conclusion. The study demonstrates that the Russian-Kazakh border is not only a geopolitical and legal phenomenon, but also a sociocultural one. The proposed model proves its effectiveness for a comprehensive analysis of borders, revealing them as the product of a dialogue between state projects and social practices. The established historical continuity and the established balance between barrier and contact functions explain the stability and functionality of one of the longest land borders in the world.

Keywords: Kazakh-Russian border; evolution of ideas; nation building; limology; border communities; historical stages; delimitation

For citation: Bakhturidze, Z.Z., Kozhirova, S.B. The Formation of the Kazakh-Russian Border and the Evolution of its Perception in Kazakh Society. *Russia in the Global World*. 2026. Vol. 29. Iss. 2. P. 158–173. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.2.11>. EDN: LVASYO.

© Bakhturidze, Z.Z., Kozhirova, S.B., 2026. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Несмотря на заявленную междисциплинарность политической лимологии, в конкретных исторических исследованиях часто доминирует институциональный подход. Отсутствует комплексный анализ, связывающий материальные практики установления границы (картография, делимитация, демаркация) с их рецепцией и осмыслением в коллективном сознании приграничных сообществ на примере российско-казахстанского пограничья.

В современной историографии и политологии процесс формирования российско-казахстанской границы изучен преимущественно в правовом, дипломатическом и геополитическом ключах. При этом остается неисследованной эволюция восприятия границы и пограничья со стороны казахского общества на протяжении длительного исторического периода. Недостаточно раскрыты механизмы трансформации

традиционных представлений о кочевом пространстве в понятие фиксированной государственной границы, а также влияние на это восприятие таких факторов, как колониальная администрация, советская национальная политика и постсоветское государственное строительство.

Цель исследования – определить основные этапы и факторы эволюции представлений о границе с Россией в казахском обществе (от кочевых сообществ до современной нации), выявив ключевые точки перелома и преемственности в этом процессе. Объект исследования – казахстанско-российская государственная граница как социально-политический и историко-культурный феномен. Предмет исследования – исторические этапы формирования казахстанско-российской границы и динамика восприятия этой границы – эволюция представлений о территории, суверенитете и соседстве в казахстанском обществе.

Феномен границ в последнее время стал областью активных научных исследований. Лимнология изучает границы, вопросы их демаркации и делимитации, воздействие границ на развитие и жизнь различных социальных и этнических групп. Междисциплинарность современных исследований границы является их самой важной отличительной особенностью. Предметное поле политической лимнологии фокусируется на геополитических, геокультурных, исторических, социально-психологических и других научных парадигмах. В современных условиях пограничные исследования становятся приоритетными и ставят вопросы влияния геополитической ситуации на характер реализации и защиты национальных интересов в пограничном пространстве, проблемы обеспечения пограничной безопасности; механизмы и способы мирного разрешения пограничных проблем, политические, социально-экономические, военные и многие другие.

Вопрос изучения российско-казахстанского пограничья и собственно границы имеет важное социально-политическое наполнение. Республику Казахстан и Российскую Федерацию объединяет не только протяженная линия сухопутной границы, но и значительный политико-исторический опыт взаимоотношений.

Материалы и методы

Важнейшую категорию источников по теме исследования составляют архивные документы и материалы. Они представлены архивами Республики Казахстан и Российской Федерации. Это архивы: «Центральный государственный архив Республики Казахстан» (ЦГА РК)¹, «Архив внешней политики Российской империи» (АВПРИ МИД РФ)², «Российский государственный военно-исторический архив» (РГВИА)³, «Российский государственный исторический архив» (РГИА)⁴. Богатый архивный материал, по теме исследования, имеется в российских областных архивах:

¹ Республиканское государственное учреждение «Центральный государственный архив» Комитета по делам архивов, документации и книжного дела Министерства культуры и информации Республики Казахстан: [сайт]. URL: <http://www.cga.kz/ru> (дата обращения: 10.12.2025).

² Архив внешней политики Российской империи // Историко-документальный департамент МИД России: [сайт]. URL: https://idd.mid.ru/archive/about_avpri.php (дата обращения: 10.12.2025).

³ Российский государственный военно-исторический архив: [сайт]. URL: <http://rgvia.rfl.ru> (дата обращения: 10.12.2025).

⁴ Российский государственный исторический архив: [сайт]. URL: <https://fgurgia.ru> (дата обращения: 10.12.2025).

ГБУ «Объединенный государственный архив Оренбургской области»⁵, Исторический архив Омской области⁶, Архивы Алтайского края⁷.

Важным материалом в исследовании политико-исторического формирования казахстанско-российской границы стали материалы, двух категорий – законодательные акты и делопроизводственная информация [1; 2; 3].

Большое значение для истории формирования казахстанско-российской границы наряду с архивным материалом приобретают географические карты. Одним из первых крупных достижений российской и европейской картографии в отражении реального географического положения природных и историко-культурных объектов казахской степи является сборник географических карт «Чертежная книга Сибири», составленный на рубеже XVII–XVIII вв. выдающимся сибирским исследователем того времени С.У. Ремезовым (1642 – после 1720) [4].

Вызывает большой интерес также «Карта..., представляющая часть Российской империи и лежащих к оной соседственных мест, а именно: степи кочующих киргиз-кайсаков, Хивинского, Каракалпацкого владений, Большой и Малой Бухарии, Китайского государства и бывшего Зюнгорского владения». Ее составил в 1765 г. командир Сибирского корпуса генерал-поручик И.И. Шпрингер [5].

Большой научно-практический интерес для изучения истории и исторической топонимики Казахстана представляют также карты: реки Иртыша, составленную И.И. Исленьевым⁸, в 1778 г., карта Сибирской и Оренбургской губерний с кочующими по этой территории киргиз-кайсаков бывшего Зенгорского и Карыкалпацкого владений⁹. «Карта Южной и Восточной части степей киргиз-кайсаков, Большой и Малой Бухары, Зенгорского владения и Китая»¹⁰. Две последние карты были составлены в 1784 г. офицерами Сибирского корпуса¹¹.

Заслуживают внимание и многотомные издания документов и материалов «Внешняя политика Российской империи, 1801–1914 г.» в четырех томах [6–9], «Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках» [10], «Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках. (1771–1867 гг.)» [11], «Материалы по истории политического

⁵ ГБУ «Объединенный государственный архив Оренбургской области»: [сайт]. URL: <https://archive.orb.ru> (дата обращения: 10.12.2025).

⁶ Исторический архив Омской области: [сайт]. URL: <https://iaoo.ru> (дата обращения: 10.12.2025).

⁷ Архивы Алтайского края: [сайт]. URL: <https://altarchives.ru/kgkugaak?ysclid=mmt5hm3wyz762854882> (дата обращения: 10.12.2025).

⁸ Исленьев И.И. Карта Реки Иртыша от вершины до Омской крепости с положением прежде не известных древних селений Зюнгорских калмык [Карты] / сочинял И. Исленьев; вырезывал Л. Сергеев. [Санкт-Петербург: Географический департамент Академии наук], 1778 // Национальная электронная библиотека: [сайт]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_012005865?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 10.12.2025).

⁹ Карта собранная полуденной части Сибирской и с частью Оренбургской линий, с показанием по части ж степи кочующих киргиз-кайсаков бывшего Зенгорского владения и Карыкалпацкого владения, так же какие в Зенгории киргизцами содержатся линии и по оным караулы при каких урочищах расположены // Мультимедийный архив Новосибирской области: [сайт]. URL: <https://archportal.nso.ru/kartograficheskie-materialy/svodnyy-katalog-rukopisnykh-kart-sibiri-i-dalnego-vostoka-xvii-nachala-xx-v/plany-pogranichnykh-linyy-krepostey-forpostov-redutov45fc96e8268348/sibirskaya-oboronitel'naya-liniya45fc96e826cfba/1227/> (дата обращения: 10.12.2025).

¹⁰ Карта южной и восточной части степей киргиз-кайсаков, Большой и Малой Бухары, Зенгорского владения и Китая: [сайт]. URL: <https://www.prlib.ru/item/1798719> (дата обращения: 10.12.2025).

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р1318. Оп. 11. Д. 40.

строю Казахстана» [12], «Материалы по казахскому обычному праву» [13], «Материалы по киргизскому землепользованию [14].

Историко-генетический метод был применен для выстраивания причинно-следственной цепочки изменений в сознании, он дал возможность выделить пять фаз и восемь периодов, и увидеть, что нынешнее восприятие границы – это результат наслоения разных эпох. Метод проблемно-хронологического анализа источников позволил работать с разнородными источниками, группируя их по проблемным элементам. Такое совмещение показало определенный разрыв между официальной фиксацией и реальным сознанием, в частности архивные данные об отношениях султанов с имперской администрацией легли в основу тезиса об адаптации элиты, а материалы земской статистики и переписей (начало XX в.) помогли зафиксировать переход к этническому принципу.

Компаративный метод использовался в сопоставлении восприятия границы в разные эпохи, он продемонстрировал нелинейность процесса и дал основание для вывода об инструментализации границы. Институциональный анализ показал, как формальные институты влияли на неформальные практики и сознание. Этот метод стал ключевым для обоснования и понимания второй фазы. Дискурс-анализ политических текстов помог анализировать риторику (документы, лозунги, заявления) и позволил прийти к мнению о том, что граница – это не только линия, но и символ, который отстаивают. В частности, в начале XX века «границу» риторически превратили в символ нации, в советское время она стала символом формальности, а в 1990-е годы трансформировалась в символ независимости. Метод актуализации позволил не ограничиваться историей, а обозначить результаты в контексте современных реалий, т.е. показал, что история восприятия границы имеет прямое прикладное значение и доверие является серьезным историческим капиталом – ресурсом не менее важным, чем нефть или газ. Это позволило сформулировать вывод о том, что уникальность границы в её социальной приемлемости, выработанной историей, и обозначить целесообразные направления действий для дальнейшей реализации политики приграничного сотрудничества и региональной безопасности.

Результаты

В российской и зарубежной научной литературе вопросы, касающиеся изменений в восприятии границ казахским населением, исследованы недостаточно глубоко. Это объясняется как недостаточным вниманием к процессам формирования границ, так и к изучению особенностей казахского менталитета на различных этапах его эволюции (кочевой образ жизни, переходные периоды, современное общество), особенно в их взаимосвязи. Однако, понимание динамики и современного отношения к границам представляется крайне важным, в частности, для разработки эффективных стратегий приграничного взаимодействия.

Чтобы понять, как казахи воспринимали границы, следует обратиться к различным источникам. Среди них: этнографические записи, нормы традиционного права, заметки путешественников и государственных служащих, данные земской статистики и переписей населения, дипломатические документы, публикации в средствах массовой информации. Для более поздних периодов, включая постсоветский, полезны результаты социологических исследований, а в XXI веке – также контент социальных сетей.

Можно выделить следующие условные периоды в понимании границ и ключевые факторы, оказавшие влияние на это понимание.

Первый период – с XVI по XVIII вв. Характеризуется началом расширения контактов между казахами и русскими. Эти контакты приводили к непониманию и отрицанию европейского понятия границы и ее организационного построения [15, с. 42–43] и выражались от прямой конфронтации до подписания военно-политических союзов¹². Большое влияние на урегулирование конфликтов оказало развитие приграничной торговли.

Второй период – с XVII до первой половины XIX вв. В этот период идет процесс формирования демаркированных государственных границ. Он был связан, во-первых, с военными конфликтами с джунгарами¹³. После устранения конфликтных ситуаций, джунгары выступали за «практику постоянных пикетов, заключения международных договоров с указанием принадлежащих сторонам территорий» [16, с. 12]. Во-вторых, номинально без права полной власти, были приглашены в качестве правителей Хивы султаны из Казахстана. Их специально пригласили для организации пограничной службы, в случае чрезвычайной ситуации [16, с. 12]. В-третьих, наличие границы между Российской империей и Цинской империей, зафиксированной на картах и закрепляющей за ними территории.

Третий период – с 1820 по 1860-е гг. связан с организацией проведения административно-территориальных реформ. В результате султаны-правители получили статус волостных управителей [1, с. 70–71], сформировалось позитивное отношение к межевым знакам в качестве границ [17] и появились документы, т.е. нормативная база, что поспособствовало снятию напряженности [18].

Четвертый период – вторая половина XIX – начало XX вв. Проведение административно-территориальной реформы привело к формированию и конкретизации у казахского населения понятия о границе [19, с. 3–4]. Также процессу формирования границы способствовало общение казахов с русским населением.

Пятый период – с начала XX в. до первой трети XX в. Связан с активным проявлением среди казахской элиты национализма. Проявление национализма было связано с активной деятельностью российских партий левого толка, выступавших за создание национально-территориальных автономий.

Начался процесс создания националистических партий. Алаш (каз. «Алаш» *партиясы*) [20] образована в 1917 году, как политическое движение в которое объединило казахскую и киргизскую интеллигенцию, Уш-Жуз (каз. *Үш-Жуз – три жуза*), образована в октябре–ноябре 1917 г., как национально-политическая казахская организация, ориентированная на социалистическую и националистическую идеологию и др. В этот период националистические партии выступали за проведение картографических изысканий территорий, в основе которых был положен этнический принцип. Представители казахских националистических партий вошли в созданные органы по разграничению территорий и созданию казахских автономий. Таким образом, казахская элита восприняла административные границы как межгосударственные.

¹² Государственный архив Оренбургской области (ГАОрО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. с. 167–176.

¹³ Джунгары (зюнгары, зенгоры, цзюнгары, чжунгары) – население средневекового ойратского владения – Джунгарского ханства. В настоящее время она относится к Китаю, Монголии, Казахстану, Киргизии, Таджикистану и России (Тува и часть Алтая).

Шестой период – с 1940 по 1970 гг. Можно характеризовать как интернациональный период. Произошло качественное этническое изменение населения Казахстана в период Великой Отечественной войны. Активное участие казахов в войне и одновременно создание в Казахстане обширной эвакуационной базы, способствовало развитию советской идеологии и формированию концепции – «советский народ». Все это способствовало, с одной стороны росту культурного и образовательного уровня населения, но с другой стороны приводило к формированию представления, что границы с союзными республиками носят формальный характер.

Седьмой период – с 1970 по 1990 гг. Для этого периода характерно создание и проявление этнического самосознания, направленного на новое прочтение административных границ. Началом этого процесса стало создание Немецкой национальной автономии, в конце 1970-х гг., вызвавшей резко негативное отношение казахского населения. Одновременно наблюдалось обострение межэтнических отношений между русскими и казахами, казахами и чеченцами, казахами и узбеками. Новая элита стремилась к формированию нового представления об исторических границах, в основу которого была положена мифологизация предков, базирующаяся на этническом и родоплеменном принципе. Активно стала возрождаться идея – трайбализма¹⁴, по которому вся земля в Казахстане принадлежала казахам. Это в свою очередь привело к росту интереса в отношении жузов¹⁵, являющейся специфической формой социально-политической организации казахов.

Восьмой период – с 1990 г. по настоящее время. 25 октября 1990 г. был провозглашен суверенитет республики с принятием Декларации о государственном суверенитете Казахской Советской Социалистической Республики и установлением на основе делимитации границ с соседними государствами. С одной стороны граница трактовалась как гарантия охраны страны от проявления таких форм негативных проявлений как сепаратизм, терроризм, а с другой стороны, граница открывала большие возможности в развитии в приграничных районах.

Данные периоды представляют собой определенную эмпирическую схему, хронологическое измерение происходящих событий и процессов, однако, было важно реконструировать ментальные изменения. То есть не только обозначить, что происходило, но и понять, как это воздействовало на сознание. Поэтому была использована двухуровневая система: хронологическая (восемь периодов) и концептуальная (пять фаз), которые взаимодействовали в связке «событие – смысл».

Проведенный анализ широкого круга источников позволил реконструировать ключевые этапы и механизмы трансформации восприятия границы в контексте российско-казахстанского пограничья. Основным результатом исследования является выявление нелинейного и многослойного процесса, в ходе которого традиционные представления о пространстве последовательно накладывались, конфликтовали и

¹⁴ Трайбализм (от английского *tribalism*, от лат. *Tribus* «племя») – форма групповой обособленности, характеризуемая внутренней замкнутостью и исключительностью, сопровождаемая враждебностью по отношению к другим группам. Изначально характеризовал систему первобытных, неразвитых обществ, позднее понятие расширилось и приобрело новые направления.

¹⁵ Жуз – (каз. *Жүз* – букв. «лик» или «сотня») – одно из трёх исторически сложившихся крупных объединений казахских родов. Казахское общество традиционно состояло из трёх жузов: старшего (каз. *ұлы* – букв. «великий»), среднего (каз. *орта*) и младшего (каз. *кіші*).

синтезировались с имперскими, советскими и национально-государственными моделями.

1. Первая фаза – от «кочевого ареала» к «линии раздела» – кризис традиционной модели соответствует первому и второму периодам (XVI – первая половина XIX вв.). Данная фаза объясняет глубинный смысл конфликтов – столкновение двух логик: «подвижного пространства» кочевников и «жесткой линии» империи и ключевым механизмом здесь является непонимание.

Анализ ранних картографических материалов и этнографических свидетельств показывает, что доминирующей моделью пространства у казахов было понятие «кочевого ареала» (жайлау, кыстау) с размытыми, сезонно-динамичными рубежами, регулируемые нормами обычного права и родоплеменной структурой. Первые контакты с Российской империей, отраженные в дипломатической переписке и отчетах пограничных начальников, выявили фундаментальное непонимание: российская сторона настаивала на фиксированной «линии» и пикетах, в то время как казахские сообщества воспринимали эти действия как нарушение сложившегося порядка землепользования. Это противоречие стало источником постоянных локальных конфликтов, которые, однако, постепенно смягчались развитием приграничной торговли, выступавшей первым практическим инструментом взаимного «освоения» границы как института.

2. Вторая фаза – имперское проектирование и адаптация – граница как инструмент управления охватывает третий и четвертый периоды (XIX – начало XX вв.) и показывает, что происходящее не просто результат внешнего давления. По сути, казахская элита адаптировалась и использовала границы для усиления своей власти.

Введение имперской административно-территориальной системы (Уставы о сибирских и оренбургских казаках, реформы 1860-х гг.) стало переломным моментом. Делопроизводственная документация областных архивов (Оренбург, Омск) свидетельствует, что казахская элита (султаны, бии) быстро осваивала логику новой системы, увидев в административных границах и должностях волостных управителей инструмент для легитимации собственной власти и закрепления контроля над ресурсами. Таким образом, на смену конфронтации пришла стратегическая адаптация. Восприятие границы сместилось от отрицания к признанию ее как фактора социального порядка и карьерного роста, что заложило основу для будущего принятия границ в качестве политической реальности.

3. Третья фаза – национализация пространства – от административных линий к этническим границам совпадает с 5 периодом (начало XX в.) и объясняет качественный переход, граница перестала быть инструментом империи и стала мыслиться как этническая территория и символ будущей нации.

Под влиянием европейских идей национализма казахская интеллектуальная элита переосмыслила имперские административные границы как потенциальные контуры национальной автономии. В этот период впервые формулируется этнический принцип как основа для территориального размежевания. Это означало переход от восприятия границы как внешнего (имперского) регулятора к пониманию ее как воплощения национального суверенитета и средства защиты этнической идентичности.

4. Четвертая фаза – формализация или «стирание» границ объединяет шестой и седьмой периоды (середина – конец XX вв.) как парадокс советского времени, когда

юридически граница есть, но в сознании она то «прозрачна» (советский народ), то приобретает этническое измерение.

С одной стороны, юридическое и картографическое оформление границы между союзными республиками достигло максимальной четкости. С другой, официальная идеология «единого советского народа» и интенсивные миграционные процессы внутри СССР способствовали формированию у населения представления об этой границе как об условной, «проходной» линии. Этот парадокс ярко проявился в позднесоветский период (1970–1980-е гг.): на фоне формальной «прозрачности» начался процесс «этнизации» памяти о границе, что выразилось в росте интереса к родоплеменной структуре (жузам) и дискуссиях об «исторических землях», особенно в контексте межэтнических напряжений (например, вокруг немецкой автономии).

5. Пятая фаза – постсоветский синтез – граница как символ и ресурс соответствует восьмому периоду (конец XX–XXI вв.), она раскрывает итоги событий, которые происходили на этом этапе, в частности, возник двойственный статус – граница стала и символом независимости, и ресурсом для сотрудничества с Россией.

Протоколы заседаний делимитационных комиссий и освещение процесса в СМИ Казахстана показывают, что на современном этапе сформировалось двойственное восприятие. С одной стороны, в общественном сознании и официальном дискурсе граница окончательно утвердилась как неотъемлемый атрибут государственного суверенитета, гарант безопасности и символ национально-государственной идентичности. С другой, успешный и бесконфликтный процесс делимитации с Россией, в ходе которого спорные вопросы решались на основе взаимной выгоды (например, раздел инфраструктуры), укрепил представление о границе как о ресурсе для сотрудничества, «территории возможностей». Уникальность российско-казахстанского случая заключается в этом синтезе жесткой юридической оформленности и высокой социально-экономической проницаемости.

Таким образом, эволюция восприятия границы представляет собой не просто смену внешних форм, а глубокую трансформацию социальных и политических практик. От сакрально-хозяйственного понимания пространства через этапы имперской инструментализации и национальной проекции к современному двойственному статусу (барьер и мост) – данный процесс отражает более широкие метаморфозы казахского общества на пути от кочевого уклада к современной государственности. Ключевым фактором на каждом этапе выступала способность различных социальных групп адаптировать внешний институт границы для решения своих актуальных задач: выживания, упрочения власти, защиты идентичности, обеспечения суверенитета.

Новый статус государств после распада Советского Союза в 1991 г. существенно повлиял на административно-территориальные границы между ними. Граница стала государственной, а отношения между странами стали носить международный характер. Административная граница между РСФСР и Казахской ССР характеризовалась сложившейся линией на отдельных участках, которая не соответствовала правовым актам. В этой ситуации стороны вынуждены были принимать взаимовыгодные решения с учетом национальных и экономических интересов, приводивших к паритетному разделу и обмену площадями.

Республика Казахстан представила проект делимитации государственной границы в соответствии с постановлением Правительства Республики Казахстан от 1 сентября 1999 г. № 1283 «О Правительственной Комиссии Республики Казахстан по

делимитации Государственной границы Республики Казахстан с Кыргызской Республикой, Российской Федерацией, Туркменистаном и Республикой Узбекистан»¹⁶.

Министерство иностранных дел Республики Казахстан сформировало комиссию, в которую вошли представители министерств, ведомств, областных, районных и аульных акиматов, заинтересованных в делимитации границы. В качестве экспертов к работе в Комиссии привлекались специалисты из разных государственных учреждений: геодезисты, картографы, землеустроители, гидрологи.

Государства, заинтересованные в делимитации своих границ, начали работу на самом сложном участке, богатом углеводородами Каспийском шельфе. Статус Каспийского моря, стал международно-правовым и определялся договорами, которые были подписаны в 1921 г. между РСФСР и Персией¹⁷ и договором 1940 г. между СССР и Ираном¹⁸. Договоры устанавливали исключительно морскую государственную границу между странами.

6 июля 1998 г. в Москве было подписано «Соглашение между Республикой Казахстан и Российской Федерацией о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование»¹⁹ и 29 ноября 2011 г. – «Соглашение между Республикой Казахстан и Азербайджанской Республикой о разграничении дна Каспийского моря»²⁰. Эти договоры способствовали принятию единого договора по правовому статусу Каспийского моря и одновременно проводили делимитацию всех континентальных шельфов прикаспийских государств.

Прикаспийские государства 12 августа 2018 г. согласовали новый статус Каспийского моря. Ключевым событием стало подписание главами Азербайджана, Ирана, Казахстана, России и Туркменистана «Конвенции о правовом статусе Каспийского моря»²¹. Конвенцией определяются и регулируются права и обязательства Сторон в отношении использования Каспийского моря, включая его воды, дно, недра, природные ресурсы и воздушное пространство над ним.

¹⁶ О Правительственной Комиссии Республики Казахстан по делимитации Государственной границы Республики Казахстан с Кыргызской Республикой, Российской Федерацией, Туркменистаном и Республикой Узбекистан. Постановление Правительства Республики Казахстан от 1 сентября 1999 года № 1283 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан: [сайт]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P990001283> (дата обращения: 10.12.2025).

¹⁷ Договор между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Персией (Москва, 26 февраля 1921 года) // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации: [сайт]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/mnogostoronnie-struktury-i-forumy/vzaimodeystvie_v_regione_kaspiyskogo_morya/1568249/ (дата обращения: 10.12.2025).

¹⁸ Договор о торговле и мореплавании между Союзом Советских Социалистических Республик и Ираном (Тегеран, 25 марта 1940 года) // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации: [сайт]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/mnogostoronnie-struktury-i-forumy/vzaimodeystvie_v_regione_kaspiyskogo_morya/1568251/ (дата обращения: 10.12.2025).

¹⁹ Соглашение между Республикой Казахстан и Российской Федерацией о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование от 6 июля 1998 года // База данных. Законодательство стран СНГ: [сайт]. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=20139 (дата обращения: 10.12.2025).

²⁰ Соглашение между Республикой Казахстан и Азербайджанской Республикой о разграничении дна Каспийского моря // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан: [сайт]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z030000457_ (дата обращения: 10.12.2025).

²¹ Лидеры стран «пятёрки» подписали Конвенцию о правовом статусе Каспийского моря: [сайт]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5450141> (дата обращения: 10.12.2025).

Внешняя граница территориальных вод является государственной границей. Согласно пункту 3 статьи 7 Конвенции разграничение внутренних и территориальных вод между государствами со смежными побережьями осуществляется по договоренности между ними с учетом принципов и норм международного права. Стороны договорились в рамках статьи 8, о том, что разграничение дна и недр Каспийского моря на секторы осуществляется по договоренности сопредельных и противолежащих государств с учетом общепризнанных принципов и норм международного права в целях реализации их суверенных прав на недропользование и на другую правомерную хозяйственно-экономическую деятельность, связанную с освоением ресурсов дна и недр.

С 1999 г. начался процесс делимитации сухопутной границы между Республикой Казахстан и Российской Федерацией. В ходе этого процесса было установлено 18 спорных участков. Эти участки касались случаев, когда единые населенные пункты и промышленные предприятия оказывались по разную сторону границы. Сложившиеся ситуации и в целом вопросы делимитации государственной границы между Республикой Казахстан и Российской Федерацией, обсуждались с сентября 1999 г. по январь 2005 г. И были успешно решены. После продолжительных дискуссий, 18 января 2005 г. был подписан «Договор между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о российско-казахстанской государственной границе»²².

Со вступлением договора в силу 12 января 2006 г., завершилось юридическое оформление сухопутной границы Республики Казахстан по всему периметру. В июле 2007 г. приступила к работе совместная российско-казахстанская комиссия по демаркации государственной границы между Российской Федерацией и Республикой Казахстан. Пограничные знаки на границе между двумя государствами начали устанавливаться в мае 2009 г. Государственная граница Республики Казахстан прошла с 12 субъектами Российской Федерации, обеспечив дружественные, стабильные отношения в приграничных районах на благо стратегическим партнерским интересам двух стран.

Казахстанско-российская государственная граница в настоящее время полностью оформлена в соответствии с международно-правовыми документами. Закрепление казахстано-российской границы, является свидетельством бесконфликтного процесса оформления международно-правового статуса суверенитета, территориальной целостности, уважения и нерушимости существующих границ. В контексте урегулирования территориальных вопросов между Республикой Казахстан и Российской Федерацией необходимо подчеркнуть стабильность существующих между ними двухсторонних отношений.

Заключение

Главным научным результатом работы является выявление уникального двойственного статуса современной границы. Она утвердилась в общественном сознании и официальном дискурсе одновременно как «жесткий» символический барьер – незыблемый символ национальной государственности и гарант безопасности, и как «прозрачный» ресурсный мост – пространство для экономического сотрудничества и гуманитарного взаимодействия, чему способствовал

²² Договор между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о российско-казахстанской государственной границе // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/kz/1663475/> (дата обращения: 10.12.2025).

бесконфликтный, прагматичный процесс делимитации и демаркации. Эта двойственность составляет уникальную черту российско-казахстанского пограничья, объясняющую его стабильность и функциональность. Устойчивость границы определяется не только юридическими актами, но и степенью ее «внутреннего» принятия обществом. Казахстанско-российская граница демонстрирует высокий уровень легитимности, так как прошла длительный цикл адаптации, по сути, исторический капитал послужил фактором устойчивости. Бесконфликтный процесс делимитации/демаркации 1990–2000-х гг. и многовековой опыт взаимодействия создали уникальный исторический капитал доверия, который является «амортизатором» для текущих политических или экономических кризисов.

Для дальнейшей реализации политики приграничного сотрудничества и региональной безопасности представляется целесообразным:

- четко разделять политические дискурсы и практические режимы. Риторика суверенитета и безопасности не должна автоматически приводить к ужесточению таможенных или визовых процедур для легитимных агентов сотрудничества. Необходимы «зеленые коридоры» для проверенных участников. А вовлечение местных сообществ и бизнеса в обсуждение инфраструктурных проектов на границе позволяет укреплять восприятие границы как «своего», а не только «государственного» института;

- инвестировать в исторический капитал, активно поддерживать совместные культурно-исторические проекты, мемориализацию общего прошлого (в т.ч. советского) в приграничных регионах. Это не ностальгия, а инвестиция в поддерживающую среду для сотрудничества;

- смещать фокус пограничных и таможенных служб от запретительных функций к функции обеспечения беспрепятственной торговли и безопасной мобильности;

- внедрять совместные программы мониторинга «мягких» угроз, изучать и прогнозировать невоенные вызовы, которые создают напряжение.

Важно согласовать регулирование в сфере логистики, санитарного и ветеринарного контроля для создания единой конкурентной среды для бизнеса по обе стороны границы и институализировать «гуманитарные коридоры», в частности, упростить процедуры для приграничных ежедневных поездок, особенно для жителей разделенных исторических общин.

Уникальность российско-казахстанской границы – в ее укорененной социальной приемлемости, выработанной историей. Современная политика должна не просто администрировать эту границу, а бережно управлять ее двойственной природой, трансформируя исторический капитал в инструменты для решения задач XXI века: цифровизации, логистической интеграции и противодействия асимметричным угрозам. Успешная модель «барьер и мост» может стать экспортным политическим продуктом для других регионов мира со сложными приграничными ситуациями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей / Сост. ст. советник Тург. обл. правл. И.И. Крафт. Оренбург: скл. изд. у авт., 1898. 884 с.
2. Материалы для изучения юридических обычаев киргизов. Выпуск 1. Семипалатинский областной статистический комитет. Материальное право. 1886. 84 с.

3. Быков А.Ю. Российская правительственная политика в степных областях и трансформация традиционного казахского общества (1731–1917 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2006. 42 с. EDN: [ZNRDOR](#).
4. Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году: в 2-х т. Т. 1. Факсимильное издание. М.: ФГУП ПКО «Картография», 2003. 115 с. Карты.
5. Панасенков В.Н. Памяти генерала Шпрингера // Национальные приоритеты России. 2020. № 3 (38). С. 3–9.
6. Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи, 1801–1914. В 4 т. Т. 1. Внешняя политика императора Александра I. 1801–1825. М.: Кучково поле, 2017. 608 с.
7. Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи, 1801–1914. В 4 т. Т. 2. Внешняя политика императора Николая I. 1825–1855. М.: Кучково поле, 2017. 622 с.
8. Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи, 1801–1914. В 4 т. Т. 3. Внешняя политика императоров Александра II и Александра III. 1855–1894. М.: Кучково поле, 2018. 904 с.
9. Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи, 1801–1914. В 4 т. Т. 4. Внешняя политика императора Николая II. 1894–1914. М.: Кучково поле, 2018. 768 с.
10. Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках (Сборник документов и материалов) / под ред. В.Ф. Шахматова, Ф.Н. Киреева, Т.Ж. Шоинбаева. Алма-Ата: Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1961. XVI, 743 с.
11. Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867). Сборник документов и материалов. Алма-Ата. Наука, 1964. VIII, 575 с.
12. Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции). Сборник. Т. 1. / Сост. М.Г. Масевич. Алма-Ата. Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1960. 441 с.
13. Материалы по казахскому обычному праву. Сборник 1 / под ред. С.В. Юшкова. Алма-Ата: Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1948. 350 с.
14. Свод материалов по киргизскому землепользованию, собранных и разработанных экспедицией по исследованию степных областей. Т. 13. Вып. 1. Таблицы бюджетов по типическим хозяйствам киргизского населения Акмолинской, Семипалатинской и Тургайской областей. Департамент государственных земельных имуществ. Санкт-Петербург: «Товарищество Художественной печати», 1906. [4], XI, 322 с.
15. Хахалин К.В. Русско-китайское разграничение в Центральной Азии и трансформация международно-правовой характеристики «государственной территории» // Вестник исторической географии. № 2. М.: Изд-во «Ойкумена», 2001. С. 42–43.
16. Быков А.Ю., Кожирова С.Б. Эволюция восприятия границ казахами в XVII–XXI веках // Историко-культурная центральность и наследие больших и малых караванных дорог. В фокусе Центральная Азия: коллективная монография по итогам Международного научного симпозиума «Историко-культурная центральность Центральной Азии и наследие больших и малых караванных дорог» (Самарканд, 25 мая 2022 года) / отв. ред. Д.В. Сапрынская. М.: РАС, 2022. С. 9–18.
17. Русско-джунгарские отношения (конец XVII–60-е гг. XVIII вв.). Документы и извлечения / Отв. ред. В.А. Моисеев. Барнаул: Издательство «Азбука», 2006. 360 с. EDN: [QPEBTJ](#).
18. Кенесарин А. История Кенесары Касымова и Садыка Кенесарина («Насаб-наме-йи султан Садык» – «Родословная султана Садыка»). М.: «Пресс-Бук», 2017. 140 с. EDN: [ZUWLZL](#).
19. Абдрахманова Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Караганды: «Гласир», 2010. 242 с.
20. Аманжолова Д.А. На изломе. Алаш в этнополитической истории Казахстана. Алматы: Издательский дом «Таймас», 2009. 412 с. EDN: [QVMSED](#).

REFERENCES

1. Kraft, I.I. Sbornik uzakoneniy o kirgizakh stepnykh oblastey [Collection of Laws Concerning the Kyrgyz of the Steppe Regions]. Sost. st. sovetnik Turg. obl. pravl. I.I. Kraft. Orenburg: skl. izd. u avt., 1898. 884 p. (In Russian).

2. Materialy dlya izucheniya yuridicheskikh oby chayev kirgizov [Materials for Studying the Legal Customs of the Kyrgyz People]. Iss. 1. Semipalatinskiy oblastnoy statisticheskiy komitet [Semipalatinsk Regional Statistical Committee]. Materialnoye parvo [Substantive law]. 1886. 84 p. (In Russian).
3. Bykov, A.Yu. Rossiyskaya pravitelstvennaya politika v stepnykh oblastyakh i transformatsiya traditsionnogo kazakhskogo obshchestva (1731–1917 gg.) [Russian Government Policy in the Steppe Regions and the Transformation of Traditional Kazakh Society (1731–1917)]. Author's abstract. dis. ... Doctor of Historical Sciences. SPb: Saint Petersburg State University, 2006. 42 p. (In Russian). EDN: [ZNRDOR](#).
4. Remezov, S.U. Chertezhnaya kniga Sibiri, sostavlenneya tobolskim synom boyarskim Semenom Remezovym v 1701 godu [The Drawing Book of Siberia, compiled by the Tobolsk boyar's son Semyon Remezov in 1701]. In 2 vol. Vol. 1. Faksimilnoye izdaniye [Facsimile Edition]. Moscow: FGUP PKO «Kartografiya», 2003. 115 p. Maps. (In Russian).
5. Panasenkov, V.N. In Memory of General Springer. *National Priorities of Russia*. 2020. No. 3 (38). P. 3–9. (In Russian).
6. Airapetov, O.R. Istoriya vneshney politiki Rossiyskoy imperii, 1801–1914 [History of the Foreign Policy of the Russian Empire, 1801–1914]. In 4 volumes. Vol. 1. *Vneshnyaya politika imperatora Aleksandra I. 1801–1825* [The Foreign Policy of Emperor Alexander I. 1801–1825]. M.: “Kuchkovo Pole Publishing House”, 2017. 608 p. (In Russian).
7. Airapetov, O.R. Istoriya vneshney politiki Rossiyskoy imperii, 1801–1914 [History of the Foreign Policy of the Russian Empire, 1801–1914]. In 4 volumes. Vol. 2. *Vneshnyaya politika imperatora Nikolaya I. 1825–1855* [The Foreign Policy of Emperor Nicholas I. 1825–1855]. M.: “Kuchkovo Pole Publishing House”, 2017. 622 p. (In Russian).
8. Airapetov, O.R. Istoriya vneshney politiki Rossiyskoy imperii, 1801–1914 [History of the Foreign Policy of the Russian Empire, 1801–1914]. In 4 volumes. Vol. 3. *Vneshnyaya politika imperatorov Aleksandra II i Aleksandra III. 1855–1894* [The Foreign Policy of Emperors Alexander II and Alexander III. 1855–1894]. M.: “Kuchkovo Pole Publishing House”, 2018. 904 p. (In Russian).
9. Airapetov, O.R. Istoriya vneshney politiki Rossiyskoy imperii, 1801–1914 [History of the Foreign Policy of the Russian Empire, 1801–1914]. In 4 volumes. Vol. 4. *Vneshnyaya politika imperatora Nikolaya II. 1894–1914* [The Foreign Policy of Emperor Nicholas II. 1894–1914]. M.: “Kuchkovo Pole Publishing House”, 2018. 768 p. (In Russian).
10. Kazakhsko-russkiye otnosheniya v XVI–XVIII vekakh (Sbornik dokumentov i materialov) [Kazakh-Russian Relations in the 16th–18th Centuries (Collection of Documents and Materials)]. Edited by V.F. Shakhmatov, F.N. Kireyev, T.Zh. Shoinbayev. Alma-Ata: Publishing House of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR, 1961. XVI, 743 p. (In Russian).
11. Kazakhsko-russkiye otnosheniya v XVIII–XIX vekakh (1771–1867) [Kazakh-Russian Relations in the 18th–19th Centuries. (1771–1867)]. Sbornik dokumentov i materialov [Collection of Documents and Materials]. Alma-Ata: Science, 1964. VIII, 575 p. (In Russian).
12. Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazakhstana (so vremeni prisoyedineniya Kazakhstana k Rossii do Velikoy Oktyabrskoy sotsialisticheskoy revolyutsii) [Materials on the History of the Political System of Kazakhstan (from the Time of Kazakhstan's Annexation to Russia until the Great October Socialist Revolution)]. Collection. Vol. 1. Ed. by M.G. Masevich. Alma-Ata: Publishing House of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR, 1960. 441 p. (In Russian).
13. Materialy po kazakhskomu obychnomu pravu [Materials on Kazakh Customary Law]. Collection 1. Ed. by S.V. Yushkova. Alma-Ata: Publishing House of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR, 1948. 350 p. (In Russian).
14. Svod materialov po kirgizskomu zemlepolzovaniyu, sobrannykh i razrabotannykh ekspeditsiyey po issledovaniyu stepnykh oblastey [Materials on Kyrgyz land use, collected and developed by the Expedition for the Study of Steppe Regions]. Vol. 13. Iss. 1. Tablitsy byudzhetrov po tipicheskim khozyaystvam kirgizskogo naseleniya Akmolinskoy, Semipalatinskoy i Turgayskoy oblastey [Budget Tables of Budgets for Typical Households of the Kyrgyz Population of Akmola, Semipalatinsk and Turgay Regions]. Department of State Land Property. St. Petersburg: “Artistic Printing Association”, 1906. [4], XI, 322 p. (In Russian).

15. Khakhalin, K.V. Russko-kitayskoye razgranicheniye v Tsentralnoy Azii i transformatsiya mezhdunarodno-pravovoy kharakteristiki «gosudarstvennoy territorii» [Russian-Chinese delimitation in Central Asia and the transformation of the international legal characteristics of “state territory”]. Vestnik istoricheskoy geografii [Bulletin of Historical Geography]. No. 2. Moscow: Oikumena Publishing House, 2001. P. 42–43. (In Russian).
16. Bykov A.Yu., Kozhirova S.B. Evolyutsiya vospriyatiya granits kazakhami v XVII–XXI vekakh [Evolution of the Perception of Borders by Kazakhs in the 17th–21st Centuries]. *Istoriko-kulturnaya tsentralnost i naslediyе bolshikh i malykh karavannykh dorog. V fokuse Tsentralnaya Aziya* [Historical and cultural centrality and legacy of large and small caravan roads. Focus on Central Asia]. A Collective Monograph Based on the Results of the International Scientific Symposium “Historical and Cultural Centrality of Central Asia and the Heritage of Large and Small Caravan Routes” (Samarkand, May 25, 2022). Ed. by D.V. Saprynskaya. Moscow: RAS, 2022. P. 9–18. (In Russian).
17. Russko-dzhungarskiye otnosheniya (konets XVII-60-ye gg. XVIII vv.) [Russian-Dzungen Relations (Late 17th–1760s)]. Documents and Extracts. Ed. by V.A. Moiseyev. Barnaul: Azbuka Publishing House, 2006. 360 s. (In Russian). EDN: [QPEBTJ](#).
18. Kenesarin A. Istoriya Kenesary Kasymova i Sadyka Kenesarina («Nasab-name-yi sultan Sadyk» – «Rodoslovnaya sultana Sadyka») [History of Kenesary Kasymov and Sadyk Kenesarin (“Nasab-name-yi sultan Sadyk” – “The Genealogy of Sultan Sadyk”)]. Moscow: Press-Book, 2017. 140 p. (In Russian). EDN: [ZUWLZL](#).
19. Abdrakhmanova B.M. Istoriya Kazakhstana: vlast, sistema upravleniya, territorialnoye ustroystvo v XIX veke [History of Kazakhstan: Power, System of Governance, and Territorial Structure in the 19th Century]. Karaganda: Glasir, 2010. 242 p. (In Russian).
20. Amanzholova D.A. Na izlome. Alash v etnopoliticheskoy istorii Kazakhstana [At the Turning Point. Alash in the Ethnopolitical History of Kazakhstan]. Almaty: Taimas Publishing House, 2009. 412 p. (In Russian). EDN: [QVMSED](#).

Сведения об авторах / Information about authors

Бахтуридзе Зейнаб Зелимхановна – доктор политических наук, доцент, директор Высшей школы международных отношений Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: bahtur_zz@spbstu.ru

ORCID: 0000-0001-7280-6466

Кожирова Светлана Басиевна – доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник; Институт востоковедения Министерства науки и образования Республики Казахстан.

E-mail: s.kozhirova@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7545-6676

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Bakhturidze Zeynab Z. – Doctor of Political Sciences, Docent, Director of the Higher School of International Relations, Institute of Humanities; Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: bahtur_zz@spbstu.ru

ORCID: 0000-0001-7280-6466

Kojirova Svetlana B. – Doctor of Political Sciences, Professor, Chief Researcher; Institute of Oriental Studies by R.B. Suleimenova.

E-mail: s.kozhirova@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7545-6676

The authors declare that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 10.01.2026.

Одобрена после рецензирования 06.02.2026.

Принята 06.02.2026.

Received 10.01.2026.

Approved after reviewing 06.02.2026.

Accepted 06.02.2026.